

Нечто о дидактизме в повестях и романах

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах
Том первый. Статьи, рецензии и заметки (1853-1858)
Составление и вступительная статья Ю. Г. Буртина
Примечания Е. Ю. Буртиной
М., "Художественная литература", 1986
[OCR Бычков М. Н.](#)

Известен анекдот о живописце, который непременно хотел нарисовать льва, но вместо того все выводил собаку и наконец, в отчаянии от неудачных усилий, решился поправить дело, подписавши под своей собакой: "Это не собака, а лев". Недавно один из лучших наших беллетристов вздумал подражать этому рисователю и, сочинивши рассказ, в котором набросал несколько прекрасных картин природы и умилительных мыслей о приятностях сельской жизни, приписал на последней странице: "В этом рассказе я хотел доказать следующую мысль..." и т. д.¹. Мы не станем разбирать его мысли; но самый прием этот привел нас в несказанное изумление. Однако же, приписавши это единственно капризу автора, мы успокоились. К удивлению нашему, через месяц в том же самом журнале, где была помещена повесть старавшегося доказать и пр., нашли мы произведение другого из лучших наших беллетристов, который, представивши нам полную картину жизни одного человека от детства до заката, в заключение тоже написал две красноречивых страницы о значении характера, им изображенного, и о том, откуда они берутся и как образуются². В то же время попалась нам книжка другого журнала, где в заключение одной повести третий из лучших наших беллетристов говорит: так вот как осторожно надобно обращаться со словом: если бы в моей повести не было сказано того-то, то и того-то не было бы, и т. д. В третьем журнале в то же время четвертый из лучших наших беллетристов поместил комедию, в которой одно лицо беспощадно резонерствует за автора и, таким образом, играет роль хора древней трагедии³. Это заставило нас призадуматься. Мы заглянули в четвертый журнал и, к ужасу, нашли в нем роман, похожий скорее на разбор романа, нежели на роман⁴, потому что в нем -- если на одной странице представлено страдание человека, то на следующей непременно доказывается, что это автор хотел страдание изобразить, что это есть именно страдание, а не радость, хотя это и похоже на радость, и т. п. Такое повсюдное: "это не собака, а лев" -- чрезвычайно смутило нас и заставило оглянуться назад. Мы раскрыли прошлогодние журналы, перечитали десятки из <произведений> лучших наших беллетристов -- и, к безмерному огорчению своему, нашли, что -- увы! -- весьма малое количество наших повестей, рассказов и романов обошлось без этого морального хвостика, который иногда так далеко заходит в рассказ, что составляет весь позвоночный столб его. Хотя иногда нравственный вывод повести, как в басне известного немца, состоит только в том, что один был великодушнее другого, а второй был великодушнее первого, но все-таки автор не может обойтись без нравоучения, особенно если он один из лучших наших беллетристов и, следовательно, приобрел уже некоторое право поучать других. Стараясь объяснить себе это явление, мы припоминали, между прочим, историю литературных мнений наших и нашли, кажется, ключ к разгадке. Дело в том, что некоторые умные люди пустили в ход истину, что в основание каждого литературного произведения должна быть положена *идея*, что оно не может довольствоваться одной внешней занимательностью, а должно иметь еще и внутреннее значение. Некоторые из лучших наших беллетристов тотчас смекнули, в чем дело, и сообразили, что если до сих пор творения их походили на сказки, то теперь нужно постараться приблизить их к басням. А как в баснях всегда есть нравоучение, то и в повести не мешает приставить его в назидание читателя. Так это мало-помалу и вошло в обычай, -- как вошло лет за восемь пред сим -- не печатать стихов в журналах, а теперь опять вошло в обычай -- не выпускать ни одного номера без стихов. Почему это -- господь один ведает... Принято, да и кончено... Говорят, впрочем, в дидактизме наших повестей и романов отражается серьезный взгляд на литературу, которая должна быть проводником благородных идей и светлых воззрений в общество; говорят, что в этом обнаруживается благотворная перемена в нашем взгляде на искусство, ибо, дескать, мы поняли теперь, что оно не есть праздная забава, что оно не должно только пленять, что цель его гораздо высшая -- служить обществу, подвигать народ на пути его развития, возбуждать людей к истине и добру. Все эти мысли, если только они хорошо поняты теми, которые их